
РАДИКАЛЫ И СОВЕТСКО-АРГЕНТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (по материалам отечественных архивов)

В.П. Казаков

Центр латиноамериканских исследований
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991

В статье рассматриваются особенности советско-аргентинских отношений в 20-е гг. XX в., связанные с возобновлением торговых связей между двумя странами. В частности, автор проводит анализ деятельности Южамторга, основанного в 1927 г., а также историю советско-аргентинских переговоров о поставке советской нефти этому государству. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на дипломатическое непризнание Аргентиной СССР, торговые отношения двух стран до 1930 г. развивались позитивно.

Ключевые слова: советско-аргентинские отношения, возобновление, торговые связи, Южамторг, Аргентина.

Период пребывания радикалов у власти в 1916—1930 гг. — один из важнейших этапов в истории Аргентины XX в. К этому времени страна достигла максимального развития в рамках агроэкспортной модели и оказалась перед выбором пути дальнейшего развития. С деятельностью лидера радикалов Иполито Иригойена — президента Аргентины в 1916—1922, 1928—1930 гг. и самого популярного до Х.Д. Перона политического и государственного деятеля — связано зарождение идеологии и политики третьего пути.

Международная позиция аргентинского президента позволяет говорить о зарождении третьей позиции еще в период Первой мировой войны. Отношение к трем важнейшим событиям того времени — самой войне, Версальской системе и Советской России — определяло ее содержание.

Придя к власти в самый разгар войны, Иригойен, несмотря на сильное давление как внутри страны, так и вне ее, не позволил втянуть в нее Аргентину. По его глубокому убеждению, мировая война противоречила национальным интересам Аргентины. В самом факте нейтралитета не было ничего необычного. Из всех государств тогдашнего мира далеко не одна Аргентина оставалась нейтральной.

В отличие от других нейтральных стран нейтралитет Аргентины не был пассивным. Аргентинский президент постарался превратить его в орудие перестройки международных отношений. Конкретно речь шла о межамериканских отношениях. Перед лицом давления великих держав Иригойен попытался объединить вокруг аргентинской позиции латиноамериканские страны. С этой целью планировался созыв Конгресса нейтралов в Буэнос-Айресе в январе 1918 г. На конгрессе предполагалось выработать совместную позицию латинской части американского континента в отношении войны и послевоенного устройства. Иригойен был убежден, что в противном случае победители не посчитаются с законными устремлениями и национальными интересами латиноамериканских стран.

Паниспаноамериканизм Иригойена, как стали называть позицию аргентинского президента, вступал в явное противоречие с панамериканизмом США. Под давлением последних конгресс не состоялся. Единственная страна, приславшая делегацию в Буэнос-Айрес, была Мексика.

По окончании войны Иригойен занял самостоятельную позицию по отношению к проблемам послевоенного устройства. Первоначально аргентинское правительство поддержало предложение президента США В. Вильсона о создании Лиги Наций, но Лиги Наций, независимой от Версальского договора. С самого начала Иригойен мыслил ее как инструмент международного мира, а не как орудие в руках победителей для его нового передела. Отсюда его идея Лиги Наций как универсальной международной организации, объединяющей все суверенные государства, без деления их на победителей и побежденных. Соответствующее предложение аргентинская делегация внесла на Женевской конференции по созданию Лиги Наций. После того как оно было отклонено, делегация, по настоянию Иригойена, покинула конференцию. По существу этим шагом аргентинский президент дал понять, что не принимает новый мировой порядок, установленный победителями.

Первая мировая война продемонстрировала уязвимость агроэкспортной модели аргентинской экономики. Дальнейшее развитие Аргентины требовало перехода к индустриализации, а последняя была немыслима без нефти.

Вопрос о судьбе аргентинской нефти стал центральным в общественно-политической жизни страны в конце 20-х гг., в годы второго президентства Иригойена. Сторонники Иригойена — радикалы-персоналисты — выдвинули требование национализации нефти. Иригойен предлагал не только объявить национальным достоянием нефтяные месторождения, но и установить государственную монополию на ее добычу, переработку и сбыт. Поскольку в стране действовали английские и американские компании, предусматривалась их национализация с выплатой компенсации.

Национализация нефти опиралась на довольно сильный и продолжавший укрепляться государственный сектор в лице созданной в 1922 г. ЯПФ — первой за пределами Советской России нефтяной государственной компании — во главе с генералом Э. Москони.

Нефтяная монополия стала бы рычагом для вывода Аргентины за рамки агроэкспортной модели, поскольку создание государственной нефтяной промышленности увязывалось Иригойеном с развитием гидроэнергетики и государственной железнодорожной сети во внутренних провинциях для связи с соседними странами.

По существу, Иригойен планировал создание топливно-энергетической базы и инфраструктуры, что заложило бы прочное основание для проведения в последующем собственно индустриализации.

Предложения Иригойена необходимо рассматривать и в исторической ретроспективе. Индустриализация Аргентины пошла по иному пути. Политика импортозамещения не базировалась на прочном национальном фундаменте и очень скоро уперлась в прогрессирующую зависимость аргентинской промышленности от импорта топлива и энергии. В конце концов эти проблемы пришлось решать перонистской Аргентине, но уже в неблагоприятных для страны условиях.

Интересны в этом отношении суждения, высказанные первым аргентинским послом в СССР Ф. Кантони. В беседе с советским министром иностранных дел В.М. Молотовым в 1947 г. Кантони затронул вопрос об индустриализации Аргентины, отметив, что на ее пути существуют два главных препятствия: «развитию промышленности в Аргентине препятствуют Соединенные Штаты» и «страна очень мало электрифицирована. Без этого трудно создавать крупную промышленность». Протокольная запись беседы гласит: «Молотов с этим согласен» (1).

Правомерен вопрос: в рассматриваемый период эти условия были благоприятными? Думается, что относительно благоприятными их можно назвать, учитывая сохранявшиеся серьезные англо-американские противоречия и появление на аргентинском рынке советского акционерного общества «Южамторг».

Несмотря на очевидные успехи в развитии нефтяной промышленности, достигнутые благодаря усилиям президента ЯПФ Москони, Аргентина продолжала зависеть от поставок сырой нефти и нефтепродуктов со стороны иностранных компаний. Планировавшаяся национализация с неизбежностью вела к обострению отношений с мировыми трестами, которые в качестве репрессий могли как сократить поставки нефти, так и вовсе их прекратить. Необходимо было искать альтернативные источники нефтеснабжения. Единственным мировым производителем нефти, неподвластным нефтяному картелю, был СССР. К нему и обратилась Аргентина.

Для правительства Иригойена отношения с СССР приобрели поистине судьбоносный характер: от сотрудничества с ним зависело осуществление нефтяного проекта, а вместе с этим успех или неудача всей его политики.

После Октябрьской революции Аргентина наряду с другими странами не признала Советскую Россию. Вместе с тем ее позиция отличалась от стран Антанты. Аргентинская миссия не последовала за дипкорпусом в Вологду и не участвовала в антисоветских акциях послов. Аргентинский посланник М. Кампос остался в Петрограде, откуда в сентябре 1918 г. уехал из России, оставив миссию на попечение чилийско-французского гражданина П. Навельяна. Навельян представлял также интересы Греции и Румынии (2).

В качестве румынского представителя Навельян допустил прямое вмешательство во внутренние дела Советской России. Несмотря на это советское правительство не рассматривало Аргентину как враждебное государство. В ноте НКВД представителю Аргентинской республики П. Навельяну от 5 июля 1919 г. говорилось, что «правительство РСФСР, не находясь во враждебных отношениях с Аргентинской республикой и предоставляя ей полную возможность защищать интересы аргентинских граждан, находящихся в пределах Российской республики, не может, однако, никоим образом признать за Аргентинским правительством право брать на себя защиту граждан Румынии, правительство которой находится в явно враждебных и непримиримых отношениях с РСФСР» (3).

Как выяснилось впоследствии, аргентинское правительство не имело никакого отношения к действиям Навельяна, который, по признанию аргентинской стороны, «впутался в дела, не интересующие Аргентину». По словам аргентинского министра иностранных дел А. Брамуглиа, Аргентина в годы гражданской войны в России была одной из «уважаемых стран» (4). Несмотря на непризнание Арген-

тиной Советской России, правительство Иригойена не присоединилось к ее блокаде и придерживалось политики нейтралитета.

После того как в 1920 г. Навельян покинул Россию, советско-аргентинские дипломатические контакты прекратились. Но очень скоро возобновились торговые отношения, в которых были заинтересованы обе страны. Толчком послужил кризис 1921 г., вызвавший затруднения в реализации аргентинской сельскохозяйственной продукции, и голод в России. 9 сентября 1921 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин послал телеграмму министру иностранных дел Аргентины О. Пуэйрредону о «возобновлении торговых отношений между двумя странами и сможет ли Аргентинское правительство принять коммерческого агента России по закупке хлеба» (5). 13 сентября аргентинское правительство ответило согласием на приезд советского торгового агента для закупок хлеба (6).

Советское правительство, в лице наркоматов иностранных дел и внешней торговли, рассматривало посылку коммерческого агента как первый шаг в установлении торговых отношений. Полагали, что ему «по приезде на место не трудно будет договориться с Аргентинским правительством о расширении его прав и о заключении соглашения относительно товаров, судов и т.д.» (7).

По неизвестным причинам поездка не состоялась. Однако правительство Иригойена откликнулось на призыв о помощи голодающим. 11 сентября 1922 г. президент Иригойен обратился к конгрессу со следующим посланием: «Жестокая судьба постигла Россию. Как это известно всем, болезни и нищета уничтожают ее население. Аргентинская республика, движимая всегда благородными и великодушными побуждениями, не может оставаться равнодушной к столь тяжелому положению». «Обстоятельства еще более серьезные (чем в Вене — *В.К.*), которые переживает русский народ, заставляют нас также придти на помощь, чтобы, по меньшей мере, смягчить настоящее положение, послав один из транспортов военного флота с предметами первой необходимости. Имея в виду все вышеизложенное, представляю на ваше усмотрение прилагаемый проект закона, дающего России заем в 5 млн песо, который будет покрыт без процентов, когда обстоятельства ей это позволят» (8).

Советское правительство, идя на возобновление торговых отношений, не рассчитывало на признание со стороны Аргентины. Но очень скоро изменило свое мнение. Связано это было с получением более полной информации о внешней политике Аргентины. В условиях блокады и гражданской войны информация из Аргентины была крайне скупой и противоречивой. Прибывшие на второй конгресс Коминтерна представители Федерации российских рабочих организаций в Южной Америке М. Комин-Александровский и М. Машевич положение в Аргентине анализировали с точки зрения перспективы социалистической революции. А под таким углом зрения внутренняя политика Иригойена была, безусловно, контрреволюционной. Международная политика лидера радикалов оставалась вне их поля зрения.

О последней в Москве узнали позднее, в 1922 г. И связано это было с пребыванием советской делегации на Генуэзской конференции. В Генуе нарком ино-

странных дел Г.В. Чичерин встречался и беседовал с аргентинцами разных политических взглядов. В результате этих встреч и бесед он смог составить достаточно полное и объективное представление о международной позиции Аргентины. Свои выводы, а также предложения в отношении Аргентины Чичерин изложил в письме в Политбюро ЦК РКП.

Чичерин выделял следующие главные моменты аргентинской политики. Это — выход страны из Лиги Наций и ее противодействие англо-французской гегемонии. Неприятие Аргентиной Версальской системы в сочетании с аналогичной позицией в отношении панамериканизма. В связи с последним обстоятельством Чичерин отмечал «особую роль Аргентины в мировой политике, которая заключается в том, что при экспансии США в Южной Америке Аргентина стоит во главе борьбы против этой экспансии».

Аргентинскую политику Чичерин расценивал как очень благоприятную для Советской России и в случае ее признания Аргентиной предлагал послать в Буэнос-Айрес полпреда. Эффект будет очень большой, заключал нарком (9).

Впервые в документах советских официальных лиц необходимость установления отношений с Аргентиной мотивировалась не важностью этой страны как торгового партнера для России и не геополитическом положением Аргентины как ключа к Южной Америке, хотя все эти соображения, несомненно, оставались в силе, а политикой правительства этой ведущей латиноамериканской страны, политикой независимой и во многом созвучной советской позиции. Именно поэтому установление отношений между двумя странами имело бы такой большой международный резонанс.

Последующее развитие событий не пошло по этому пути. Письмо Чичерина совпало с последними месяцами пребывания Иригойена в президентском кресле. А его преемник М.Т. Альвеар, хотя и принадлежал к партии радикалов, вовсе не собирался продолжать политику своего предшественника. В Москве очень скоро в этом убедились.

В апреле 1923 г. замнаркома М.М. Литвинов направил ноту министру иностранных дел Аргентины с протестом против того, что в этой стране продолжал действовать дипломатический представитель царского, а затем Временного правительства Е. Штейн. «Советское правительство просит Аргентинское правительство воспрепятствовать названному Штейну в дальнейшем осуществлении им своих функций от имени Российского правительства, а равно опубликовать настоящее заявление, дабы предупредить заинтересованных лиц и реэмигрантов, кои могли бы по недоразумению обращаться к Штейну. Российское правительство просит Вас о принятии названных мер впредь до возобновления между обеими странами дипломатических отношений, на что Российское правительство всегда готово» (10). Однако правительство Аргентины продолжало признавать Штейна (11).

В целом в первой половине 20-х гг. позиция СССР в отношении Аргентины определялась следующей директивой Политбюро ЦК РКП: «Форсировать переговоры с правительствами буржуазных стран, добываясь по возможности признания де-юре и, во всяком случае, заключения договоров» (12).

В 1924 г. в Москве вновь вернулись к идее посылки в Аргентину торговой делегации. На этот раз с инициативой выступил нарком внешней торговли Л.Б. Красин. В письме Чичерину он обращал внимание на два важных обстоятельства для развития торговых отношений «с Южной Америкой, в частности с Аргентиной». Во-первых, сама Аргентина представляла несомненный интерес как рынок для экспорта сырья, в том числе нефти и леса, а также импорта «в том отношении, что монопольные продукты Южной Америки квебраховый экстракт, каучук мы можем ввозить без тех посредников, на которых мы постоянно наталкиваемся в Западной Европе». Во-вторых, географическое положение Аргентины позволяло через нее связаться с остальными странами Южной Америки: Чили, Бразилией, Уругваем, Парагваем и «тем самым организовать представительство на Южную Америку. А это, — заключал Красин, — делает нашу заинтересованность в вопросе, как в смысле экспортных, так и импортных перспектив, еще более значительной». По существу речь была об организации широкой торговой сети в Южной Америке с центром в Аргентине.

Красин предлагал послать в Аргентину «небольшую делегацию для информационных целей и нащупывания и изучения местного рынка; затем уже в зависимости от результатов, которые дадут эти первые шаги, можно будет поднять вопрос о более широкой и оперативной работе» (13).

Предложение Красина было принято, и решением Политбюро в апреле 1924 г. была утверждена «Торговая делегация НКВТ для поездки в Аргентину в качестве представителей АРКОСа» (14). Прождав четыре месяца в Лондоне, делегация не получила разрешения на въезд в Аргентину (15).

В середине 20-х гг. активизировались усилия СССР добиться признания со стороны Аргентины. Поводом послужило заявление аргентинского министра иностранных дел А. Гальярдо (как вскоре выяснилось, неискреннее, сделанное лишь для отвода глаз), что если Аргентина не признала до сих пор СССР, то только потому, что СССР об этом не просил ее (16).

В июне 1925 г. Чичерин внес в Политбюро предложение «произвести зондаж» и «принципиально решить, достаточно ли мы заинтересованы в создании дипломатических связей с Аргентиной» (17). Политбюро приняло предложение Наркоминдела (18), и Чичерин поручил полпреду СССР в Германии Н.Н. Крестинскому выяснить вопрос у аргентинского посланника. «Пожалуйста, — писал нарком, — обратите серьезное внимание на возобновление сношений с Аргентиной. Инстанция это одобрила» (19). О «полной готовности к возобновлению сношений с Аргентиной» было сообщено аргентинским посланникам в Берлине и Риме, но без результатов (20). О причинах этого Крестинский сообщил в Москву следующее: «Он (посланник — *В.К.*) лично думает, что боязнь нашей пропаганды настолько сильна в руководящих кругах Аргентины, что вряд ли там уже готовы вступить с нами в нормальные отношения». Поскольку беседа носила частный характер, посланник откровенно изложил опасения, «существующие в весьма широких кругах аргентинского общественного мнения». По словам советского дипломата, он мотивировал их следующим образом: «Аргентина — молодая страна. Ее население пред-

ставляет собой агломерат различных национальностей. Национальное самосознание только начинает укрепляться в массах. Это делает население восприимчивым ко всяким космополитическим идеям. В экономике Аргентины нет оснований для революционного движения... но состав населения заставляет опасаться успеха революционной интернационалистской пропаганды. Революция, которая была необходимой и явилась фактором прогресса в России, была бы злом и несчастьем для Аргентины. Между тем советские миссии обычно занимаются агитационной деятельностью. Советская миссия в Мексике ознаменовала свой приезд выступлением полпреда с весьма революционной речью. Это обстоятельство, конечно, затрудняет восстановление нормальных отношений между Аргентиной и СССР». Далее аргентинский дипломат сделал примечательное добавление, которое позволяет судить о понимании аргентинской элитой сути происходивших в Мексике процессов: «Посланник добавил, что выступление в Мексике там, конечно, никого не испугало, так как мексиканцы такие же большевики, как и мы, и даже оспаривают у нас права первенства в проведении в жизнь коммунистических идей» (21).

Несмотря на известное общественное движение за установление отношений с СССР (22), правительство Альвеара не пошло на признание СССР. В качестве условий для установления дипломатических отношений с СССР Гальярдо поставил «изменение ориентации» СССР и «разрыв с III Интернационалом». Выступая в комиссии по иностранным делам палаты депутатов в 1928 г., Гальярдо сказал: «Пока не изменится направление русского правительства... пока оно не откажется от всякой пропаганды против социального и политического устройства других государств, пока оно поддерживает связь с III Интернационалом, который открыто заявил о своем намерении разрушить настоящий общественный строй... пока это не случится, было бы опасным признавать его, а еще опаснее учреждение его миссий... скрывающих очаги революционной пропаганды» (23).

Непризнание СССР не помешало, тем не менее, возобновлению торговых связей между двумя странами. То, что не удалось в 1924 г. через Аркос в Англии, было осуществлено в 1925 г. через Амторг в США.

В 1925 г. Амторг распространил свою деятельность на Аргентину. Первоначально туда был послан доверенный Амторга С.Я. Зингерман, долго живший в эмиграции в Аргентине и хорошо знавший язык и страну. Хотя аргентинские власти ему отказали в визе и он, по собственным словам, «лично поехал зайцем», Зингерману удалось быстро устроиться в Буэнос-Айресе и подготовить почву для начала работы Амторга. В докладе замнаркомторга М.И. Фрумкину Зингерман писал: «Пришлось медленно и осторожно налаживать кое-какие связи в деловом и, отчасти, в политическом мирах, постепенно расширяя их. Пришлось также через посредство третьих лиц побудить печать несколько заговорить об СССР и его громадных возможностях. В этом отношении особенно дружелюбно к нам выявила себя Б.-Айресская вечерняя газета «Critica», которая, начиная с Мая пр. г. начала сильную кампанию за признание СССР» (24).

В октябре 1925 г. Зингерман добился разрешения на въезд в Аргентину группы работников Амторга во главе с членом правления Б.И. Краевским. Выдавая эти

разрешения, — отмечал Зингерман, — соответствующие правительственные органы определенно знали, что речь идет не о представителях какого-то С.А. Акц. о-ва, а о Торговом представительстве СССР. Совсем скрывать настоящий характер Амторга, — заключал Зингерман, — я считал вредным и опасным» (25). Краевский и возглавил всю работу Амторга в Аргентине. Поскольку создание официального отделения Амторга представляло большие трудности, «было решено организовать фирму от имени Б.И. Краевского, как частного лица, что не встречало затруднений и не требовало капиталов» (26). Несмотря на это, все в Аргентине считали фирму Краевского «представительством Советской России», а самого Краевского — «представителем советского правительства в Южной Америке» (27). Позитивное влияние на деятельность фирмы оказало признание Уругваем СССР в 1926 г. Начавшиеся в широких размерах закупки аргентинских товаров изменили отношение к СССР в местных предпринимательских кругах, а исключительно коммерческая деятельность советских представителей рассеяла опасения аргентинского правительства насчет их подрывной деятельности. В интервью «Ла Насьон» Зингерман в ответ на вопрос, много ли было препятствий в Аргентине, ответил, что вначале правительство установило за нами полицейский надзор, но потом, быстро убедившись в нашей честности и порядочности, переменяло свое мнение в благоприятном смысле относительно возможностей коммерческих отношений с Советами» (28).

Все это создало благоприятные условия для организации самостоятельного акционерного общества для торговли со странами Южной Америки. В ноябре 1926 г. соответствующее предложение Краевского поддержало правление Амторга, постановившее: ввиду того, что это представительство должно обслуживать все южноамериканские республики, признать необходимым принять наименование „Южамторг“» (29). По поводу организации Южамторга наркомат торговли представил в правительство следующее обоснование: «По причине отсутствия соответствующей торговой организации наш экспорт в страны Южной Америки до сего времени не развивался, хотя имеются предпосылки для крупных запродаж нашего леса, нефтяных продуктов и кустарных изделий.

В целях придания закупочным операциям в Южной Америке планового характера, установления непосредственной связи с производителями, использования кредитных возможностей на основе непосредственного контакта с южноамериканскими банками и углубленного изучения туземного рынка, в целях развития нашего экспорта, Наркомторг СССР просит Совет Труда и Оборона разрешить приступить к срочной организации Южноамериканского акционерного общества» (30).

В январе 1927 г. Совет Труда и Оборона СССР признал необходимым для обслуживания экспортно-импортных операций СССР в Южной Америке организовать Южамторг в Аргентинской республике с местопребыванием правления в Буэнос-Айресе и основным капиталом в сумму 200 тыс. долл. (31).

Официальное учреждение Южамторга состоялось в октябре 1927 г. В ноябре Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило его правление во главе с Краевским (32), а 27 декабря специальным декретом президент Альвеар разрешил функциониро-

вание акционерного общества Южамторг «для товарообмена между СССР (Россия) и Южной Америкой» (33). Столь быстрое решение с аргентинской стороны объяснялось тем, что Краевскому удалось выйти прямо на президента, минуя министерство иностранных дел. В письме наркому торговли А.И. Микояну Краевский подробно описал все перипетии борьбы за признание Южамторга: «Это правительственное утверждение устава, потребовавшее от нас затраты массы времени, энергии и средств, мы добились после большого напора с нашей стороны на соответствующие правительственные учреждения. Придирка министерства юстиции к уставу... была простой формальностью... Главная же фактическая причина скрывалась в заключении инспекции... где старались доказать, что торговые организации наподобие Южамторга Советская Россия имеет и в других странах и что таковые преследуют не только торговую деятельность, но и политическую и социальную. В личной беседе с министром юстиции последний расшифровал все эти заключения следующими словами: «Мы (советы) пытаемся создать в Аргентине «Аркус Гоуз», поэтому необходимо, прежде чем утвердить подобный устав, получить заключение министерства иностранных дел.

Для меня было ясно, что если устав пойдет на заключение министерства иностранных дел, то даже в том случае, если он и получит благоприятный отзыв, то все же не сможет быть оформлен до окончания каникул, продолжающихся с 1-го января по март месяц. Этой оттяжки добивались лондонские агенты через местных правительственных чиновников, чтобы хоть на некоторое время сорвать наше организационное оформление. Поэтому я всеми силами добивался представления устава президенту республики и его утверждения до 1-го января, минуя министерство иностранных дел» (34).

Организация Южамторга по времени совпала с президентскими и парламентскими выборами 1928 г. в Аргентине. О них Москва имела информацию из первых рук. Накануне выборов Краевский подробно информировал НКВД о положении в Аргентине и возможном исходе выборов. Краевский ориентировал советское руководство на победу Иригойена. «Если не произойдут какие-нибудь исключительные политические неожиданности (а здесь это вполне возможно), — писал Краевский, — то надо считать будущим президентом Аргентинской республики Иполито Иригойена» (35).

Краевский сообщал, касаясь внешнеполитической программы будущей администрации, что на совещании Иригойена с его ближайшими сотрудниками были приняты следующие решения: 1) немедленно с образованием правительства Аргентина должна выйти из Панамериканского союза и вести политику его разрушения как инструмента США; 2) объявить о невхождении в Лигу Наций; 3) признать СССР «де-юре», содействовать укреплению и расширению торговой деятельности с СССР; 4) с Англией поддерживать хорошие отношения (36).

Всю эту информацию Краевский получил от ближайшего сотрудника Иригойена, лидера фракции радикалов в конгрессе Л. Молилари. Последний в беседе с председателем Южамторга заявил, «что Иригойен, как ярый антиимпериалист, умерит аппетиты иностранных капиталистов в Аргентине, особенно американ-

ских». На вопрос Краевского о возможном противодействии Англии признанию СССР Молилари заверил его, что она не имеет влияния на внешнюю политику Иригойена. По словам Краевского, Молилари ответил, «что англичане хорошо знают Иригойена и поэтому не посмеют рот открыть, чтобы вмешаться в его внешнюю политику» (37).

Молилари не ограничился информированием Краевского о внешнеполитических планах Иригойена, а постарался сообщить о них непосредственно в Москву через поехавшего в СССР Орсабаль Кинтану. В историографии его поездки обычно связывается с поручением Москони изучить опыт работы советской нефтяной промышленности в связи с предстоящей национализацией аргентинской нефти. Архивные документы позволяют говорить и о политических целях его поездки в СССР.

Орсабаль Кинтана представил в НКВД записку «Предстоящие изменения в Аргентинском правительстве», в которой, со ссылкой на Молилари, обрисовал контуры международной политики нового президента. Во многом она повторяла сообщения Краевского, но содержала также важные уточнения, касавшиеся внешнеполитической позиции Иригойена. Это относилось к отношениям с США и Англией. При в целом антиимпериалистической направленности своей политики Иригойен считал, что главная угроза аргентинским интересам исходит от США.

Касаясь национализации нефти, Орсабаль Кинтана отмечал, что, в противоположность консерваторам, которые в последней избирательной кампании «главные субсидии получили от иностранных фирм и, в первую очередь, от нефтяных трестов, Иригойен враждебно относится к иностранным компаниям, причем больше всего опасается американцев. Предпочитая обходиться вовсе без иностранных займов, Иригойен в случае необходимости обратится не к Уолл-Стриту, а к Европе, даже если здесь он получит займ на более тяжелых условиях». Вместе с тем Молилари сообщил Орсабаль Кинтане, «что дружба с Англией ни в коем случае не явится препятствием для признания СССР» (38).

Не все из сказанного Молилари и написанного Орсабаль Кинтаной сбылось. Иригойен не признал СССР или не успел до своего свержения в 1930 г. Однако общая направленность в сторону усиления антиимпериалистического содержания политики Иригойена передана верно. Это относится также и к отношениям с Англией. Последние, однако, необходимо рассматривать в общем контексте его политики, направленной на защиту национальных интересов.

Прежде всего, это касалось нефтяного вопроса. Орсабаль Кинтана выполнил поручение Москони, побывал на нефтяных промыслах в Баку и дал в высшей степени положительный отзыв о советском опыте. Он передал Москони готовность советской стороны помочь аргентинцам освободиться от зависимости от нефтяных трестов, продавая Аргентине нефть на выгодных условиях (39).

Такой поворот событий позволил Молилари заявить в сенате о существовании «третьего фактора» (помимо нефти США и Англии) — русской нефти, «не находящейся под контролем американских и британских трестов» и дающей уверенность в освобождении от их диктата (40).

Советско-аргентинские переговоры начались в 1929 г. с посещения Краевским в сопровождении Орсабаль Кинтаны Москони в его резиденции в ЯПФ. К середине 1930 г. был подготовлен текст соглашения. 15 июля Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Разрешить Наркомторгу продолжать переговоры с Аргентиной с тем, чтобы перед окончательным заключением договора доложить Политбюро» (41). 15 августа Политбюро вновь рассмотрело вопрос «о договоре с Аргентиной» и «разрешило НКТоргу заключить с Аргентинской нефтяной монополией договор о поставке нефти на три года, приняв предложение Аргентины по условиям фрахта и платежей, и допустить скидку с мировых цен, однако, не больше, чем это предусмотрено в испанском договоре, с покупкой Аргентиной не менее 60% тяжелых бензинов» (42).

По условиям контракта Южамторг продавал ЯПФ по 250 тыс. т нефти в год в течение 3 лет. За Аргентиной сохранялось право увеличить или уменьшить это количество на 100 тыс. и, кроме того, она могла совсем аннулировать контракт, «если национальное производство оказалось бы достаточным для полного удовлетворения потребностей страны», и, наоборот, продлить контракт в случае, если «национальное производство бензина было бы недостаточным для покрытия потребностей страны». Южамторг брал на себя обязательство «поместить все полученные им суммы по операциям этого контракта на закупки продуктов аргентинского скотоводства, земледелия и национальной промышленности» (43).

Условия соглашения были крайне выгодны для Аргентины, которая в обмен на нефть платила не валюту, а расплачивалась собственной продукцией. Это позволяло резко сократить дефицит торгового баланса, который в 1930 г. составил 100 млн песо, из которых половина приходилась на импорт горючего.

Значение контракта не ограничивалось лишь экономической выгодой. От поставок советской нефти зависела сама возможность национализации, поскольку Аргентина лишь наполовину обеспечивала собственные потребности в нефти и в случае национализации вполне обоснованно опасалась бойкота со стороны нефтяных монополий. Именно эту цель — обезопасить себя на случай нефтяного бойкота — и преследовало аргентинское правительство, идя на заключение нефтяного контракта с Южамторгом. «В случае бойкота со стороны американских компаний, Россия обещает продать всю недостающую нефть, покрыв разницу между добываемой и потребляемой страной» (44). Еще до официального оглашения соглашения аргентинская сторона намеревалась сделать запасы советской нефти.

Таким образом, правительство Иригойена отдавало себе отчет в том, что национализация нефти означала войну с нефтяными монополиями и в этой войне Аргентине не обойтись без союзника, каким мог быть только Советский Союз.

Советско-аргентинское соглашение лишало нефтяные монополии аргентинского рынка, который, как и рынки других стран, за исключением СССР, был поделен между ними. Созданный в 1928 г. Международный нефтяной картель установил следующие квоты на поставки нефтепродуктов в Аргентину: Стандарт Ойл компани оф Нью-Джерси — 45,79%; Ройял Датч-Шелл — 27,65; ЯПФ — 14,63; прочие — 11,93 (45).

Военный переворот 1930 г. положил конец попытке национализировать аргентинскую нефть, а разгром Южамторга в 1931 г. прекратил торговые отношения с СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). — Ф. (-та В.М. Молотова). — Оп. 9. — Инд. 526. — П. 38. — Л. 6, 3.
- (2) *Сизоненко А.И.* Становление отношений СССР со странами Латинской Америки. — М., 1981. — С. 18.
- (3) АВП РФ. — Ф. 70. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 5. — Л. 11.
- (4) *Сизоненко А.И.* Становление отношений СССР... — С. 19.
- (5) АВП РФ. — Ф. 70. — Оп. 4. — П. 1. — Д. 7. — Л. 1.
- (6) Текст телеграммы гласил: «Нет препятствий для посылки для закупок хлебов и других продуктов». — Пуэйрредон. Министр иностранных дел Аргентины. — Там же. Л. 8. В связи с этим представляется ошибочным утверждение аргентинского журналиста И. Хильберта об отказе в его приеме. — *Gilbert A.J.* El oro de Moscú. — Buenos Aires, 1994. — P. 85.
- (7) АВП РФ. — Ф. 70. Оп. 1. — П. 1. — Д. 7. — Л. 6.
- (8) АВП РФ. — Ф. 158. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 2. — Л. 97.
- (9) АВП РФ. — Ф. 04. — Оп. 52. — П. 342. — Д. 55314. — Л. 4.
- (10) АВП РФ. — Ф. 70. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 10. — Л. 4.
- (11) Об этом сказал депутат-социалист А.С. Мусио, указав, что в сборнике документов МИД говорится, что «его превосходительство господин Евгений Штейн является полномочным министром России в Аргентинской республике». — *Argentina. Congreso nacional. Cámara de diputados 1929.* — Т. III. — P. 163.
- (12) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 413. — Л. 3.
- (13) АВП РФ. — Ф. 04. — Оп. 5. — П. 43. — Д. 586. — Л. 6.
- (14) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 531. — Л. 100.
- (15) Министерство торговли РФ. Историко-внешнеэкономический отдел. Управление делами. — Ф. Южамторга. — Оп. 11832. — Д. 12. — Л. 1. (Далее — Ф. Южамторга).
- (16) АВП РФ. — Ф. 04. — Оп. 5. — П. 43. — Д. 585. — Л. 13.
- (17) Там же. — Л. 12.
- (18) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 505. — Л. 4.
- (19) АВП РФ. — Ф. 04. — Оп. 5. — П. 43. — Д. 585. — Л. 16.
- (20) Там же. — Л. 26.
- (21) Там же. — Л. 38—39.
- (22) Подробнее см.: *Сизоненко А.И.* Становление отношений СССР... — С. 52—60.
- (23) Там же. — С. 60. АВП РФ. — Ф. 158. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 2. — Л. 48.
- (24) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 198. — Л. 16.
- (25) Там же. — Л. 16.
- (26) АВП РФ. — Ф. 70. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 19. — Л. 2.
- (27) Там же. — Л. 6.
- (28) Ф. Южамторга. — Оп. 11832. — Д. 12. — Л. 2.
- (29) Там же. — Д. 572. — Л. 18.
- (30) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 85. — Д. 199. — Л. 13.
- (31) Там же. — Л. 14.
- (32) Там же. — Оп. 113. — Д. 339. — Л. 134.
- (33) Ф. Южамторга. — Оп. 11932. — Д. 16. — Л. 15. *Малков А.П., Марченко В.М.* Деятельность Южамторга // Новая и новейшая история. — 1968. — № 4. — С. 85.

- (34) Там же. — Д. 38. — Л. 14.
- (35) АВП РФ. — Ф. 70. — Оп. 1. — П. 1. — Д. 21. — Л. 7.
- (36) Там же. — Л. 8.
- (37) Там же. — Л. 9.
- (38) АВП РФ. — Ф. 94. — Оп. 5. — П. 43. — Д. 585. — Л. 47.
- (39) *Larra R. Mosconi, general del petroleo.* — P. 112.
- (40) Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores. — 1929. — Т. III. — P. 139—140.
- (41) РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 789. — Л. 1.
- (42) Там же. — Оп. 162. — Д. 9. — Л. 11.
- (43) Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 413. — Оп. 13. — Д. 57. — Л. 26.
- (44) Ф. Южамторга. — Оп. 11832. — Д. 73. — Л. 31.
- (45) Международный нефтяной картель. — М., 1954. — С. 394.

**THE RADICALS AND
THE SOVIET-ARGENTINA RELATIONSHIP
(based on materials from russian archives)**

V.P. Kazakov

Centre for Latin American Studies
Institute of World History
Russian Academy of Sciences

Leninsky pr-t, 32-A, Moscow, Russia, 119991

This article is dedicated to the development of Soviet-Argentine relations in the 1920-s, which were closely related with the renewal of the commercial ties between the two countries. In particular, the author analyses the activity of Usamtorg, founded in 1927, and the history of Soviet-Argentine negotiations with regard to Soviet oil sales to that country. Despite the absence of diplomatic relations between Argentina and the USSR, the trade relations between the two countries up to the 1930-s were rather active.

Key words: Soviet-Argentine relations, renewal, the commercial ties, Usamtorg, Argentina.